

Т. Б. АГРАНАТ (Москва)

ФУНКЦИИ ПРЕВЕРБОВ В СОВРЕМЕННОМ ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

Мнения исследователей о превербе в венгерском языке различны. Часто превербы смешиваются с префиксами (ср., например, Саркисян 1975; Драхош 1978 и др.) и именуются приставками. Это связано с графической традицией: преверб в препозиции к глаголу пишется слитно с ним, и возникает иллюзия, что находящийся в постпозиции преверб отделяется от глагола. Преверб не всегда писались слитно с глаголами. В памятниках до XVII века встречается главным образом раздельное написание (см. Molnár 1976). Сама же традиция восходит к наиболее ранним венгерским грамматикам, которые составлялись по образцу латинских и немецких, при этом на венгерскую почву искусственно переносились индоевропейские грамматические категории, преверб отождествлялись с глагольными префиксами (см. Soltész 1959 : 8). В некоторых работах глагол и преверб рассматриваются как единое целое и делаются попытки разгадать природу этого образования. Особенности сближения приставочных глаголов со сложными словами в том, что приставочные глаголы не подчиняются закону гармонии гласных. Со словосочетанием (наречие + глагол) их сближает тот факт, что приставки в венгерском языке то объединяются с глаголом, то отделяются от него (Саркисян 1975 : 3).

Представляется, что отсутствие сингармонизма преверба и глагола, а также способность преверба перемещаться в предложении служат доказательством его морфологической автономии. Способность преверба находиться как в препозиции, так и в постпозиции к глаголу показывает, что сочетание глагол + преверб не имеет ничего общего со сложным словом, так как части сложного слова имеют строго закрепленную позицию относительно друг друга. Несмотря на то что в финно-угорских и самодийских языках понятие сложного слова более расплывчато, чем в индоевропейских (Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 : 36 и след.), существуют критерии разграничения сложных слов и словосочетаний в этих языках.

1. Фонетический: простое слово обладает определенными фонетическими признаками, например, гармонией гласных, сложное еще и объединяющим ударением, без которого его компоненты составили бы словосочетание (Макаров 1958 : 36). Действительно, звуковой комплекс *megírni* имеет объединяющее ударение, но *írni meg* или *meg kell írni*, *meg nem írni* не имеют.

2. Морфологический: изменение, которое претерпевает основа или окончание одного из слов-компонентов (Макаров 1958 : 37). В нашем случае ни один из «компонентов» изменений не претерпевает.

Кроме того, в финно-угорских языках определяющее слово предшествует определяемому, поэтому компонент сложного слова, стоящий

первым, определяет последующее. Смысловую нагрузку несет второй, определяемый компонент. Изменение порядка компонентов ведет к изменению смысла (Макаров 1958 : 32).

3. Синтаксический, т. е. порядок слов (Макаров 1958 : 45). Как известно, нет закрепленного порядка следования преверба и глагола (он зависит от ряда причин, которые будут изложены ниже). В литературе постоянно указывается на то, что компонентами сложных слов являются слова, сами по себе функционирующие в предложении, имеющие собственное лексическое значение (понятно, что лексическое значение сложных слов не равно сумме значений его компонентов) (см. Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980; Макаров 1958; Бубрих 1955; Алатырев 1948; 1949). Преверб же самостоятельно не присутствует в полном, неэллиптическом предложении, что касается лексического значения, то полностью грамматикализованный *meg* его не имеет. Итак, можно утверждать, что преверб является самостоятельной служебной частью речи, имеющей отношение к глаголу, как, например, предлог или послелог к существительному.¹ Что же касается «сходства» глагола с превербом и сочетания глагола с наречием, о котором пишет А. Е. Саркисян, то оно не случайно, так как превербы образовались от наречий (см. Soltész 1959; Майтинская 1959). Сейчас превербы в отличие от наречий не обладают статусом значимой части речи.

Нам близка точка зрения Л. Даже о том, что преверб является частью речи, может стоять перед глаголом, и тогда напоминает русскую приставку, но он встречается и после глагола (1984 : 63).

В венгерском языке существует два класса превербов: первый, к которому относятся *meg* и частично *el*, обладает только грамматическим значением, ко второму классу принадлежат все остальные превербы, они имеют наряду с грамматическим и лексическое значение способа глагольного действия.

Х. Томмола пишет, что префиксальные образования в любом языке чаще всего придают дополнительное (лексическое) значение исходному глаголу, он обнаруживает в венгерском языке лишь одну лексически пустую приставку (*meg*), претендующую на чистую аспектуальность (1986 : 11). Причиной полной грамматикализации преверба *meg* К. Шолтес считает наличие у него абсолютного синонима *vissza*, который в конце концов взял на себя всю лексическую нагрузку, оставив за *meg* лишь значение перфективности (Soltész 1959 : 33).

Теперь необходимо остановиться на некоторых общих вопросах аспекта венгерского глагола.

По определению А. В. Бондарко, аспектуальность — это функционально-семантическая категория, охватывающая средства выражения характера протекания действия (1971 : 12). Категория аспектуальности включает в себя противопоставление Aspect — Aktionsart (см. Бондарко 1971 : 50). Уже С. Агрель ввел два термина для обозначения этих понятий: *aspect* для категории вида и *postac* для способа действия (Agrell 1918). В славянских языках поле аспектуальности выглядит следующим образом: вид — ядро категории, способы действия (они не имеют регулярного выражения и, следовательно, не являются морфологической категорией) — периферия (Бондарко 1971 : 49). Такую оппозицию в современной аспектологии называют также качественной (Aspect) / количественной (Aktionsart) аспектуальностью (см. Маслов 1978; Даже 1984).

Нас интересует качественная аспектуальность в венгерском языке. В литературе встречаются разные точки зрения на нее. Некоторые ав-

¹ По аналогии его можно было бы назвать «транслог», учитывая подвижность в предложении.

торы отрицают ее наличие (Драхош 1978 : 3; Саркисян 1975 : 8).

Нам кажется, что ошибка многих исследователей заключается в том, что они невольно стараются приписать венгерскому глаголу свойства русского глагола и связывают венгерский аспект с русским видом (о чем свидетельствует терминология). По А. Е. Саркисян, «в отличие от русских, венгерские бесприставочные глаголы, выражающие несовершенное значение, и приставочные, выражающие совершенное, имеют одинаковую систему спряжения» (1975 : 15). Отсюда делается вывод: в венгерском языке нет грамматической категории аспекта, при этом А. Е. Саркисян переносит законы русского языка на венгерский.

Традиция связывать русский и венгерский аспекты существует не только у носителей русского языка. Б. Ваха, который нарушает эту традицию, пишет, что в венгерской школе одни преподаватели объясняют, что русский совершенный вид соответствует венгерскому глаголу с превербом, а несовершенный — глаголу без преверба; другие говорят о несоответствии систем и необходимости заучивания каждого конкретного случая (Wacha 1976 : 60).

Ф. Кифер считает, что в венгерском языке нет грамматической категории аспекта, на том основании, что преверб *meg*, наиболее грамматализованный, только в 90% случаев служит для перфективации глаголов (см. Kiefer 1982 : 300). При этом не учитывается возможность наличия самобытной системы аспекта. Ф. Кифер понимает под аспектом вообще внутривременную структуру ситуации (Kiefer 1982 : 297), хотя считает, что в некотором смысле можно говорить об аспекте глагола (Kiefer 1982 : 298), и приводит пример: *írni* (имперфект) — *megírni* (перфект).

Л. Дэже, типологически сопоставляя русскую и венгерскую аспектуальность, находит в обоих языках один тип качественной аспектуальности, имеющий признак тотальность, который в русском языке проявляется в форме вида, а в венгерском — как видовое образование (1984 : 68). Видовые образования недостаточно регулярны, не получают выражения посредством парадигматически противопоставленных друг другу грамматических форм, поэтому не имеют статуса грамматической категории, — пишет Л. Дэже. Кроме того, если простой глагол может перфективаться, то от глагола с лексическим превербом нельзя образовать глагольные пары типа рус. *переписать* — *переписывать* (1984 : 70). По-видимому, здесь имеется в виду, что к глаголу с лексическим превербом нельзя добавить грамматический преверб *meg*, но это и не обязательно, так как подобные отношения выражаются иными средствами (об этом см. ниже).

Впервые о венгерской аспектуальности, не сравнивая способы ее выражения с русскими, писал Б. Ваха. Отталкиваясь, очевидно, от плана выражения, он выделил трехчленную оппозицию внутри категории вида (*szemlélet*) : *befejezett* (совершенный) / *folymatos* (несовершенный) / *közlő* (эмфатический). Кроме перечисленных видов, исследователь пишет о перфекте и имперфекте в венгерском языке (не как способах действия, а как аспекте), тесно связанных с категорией определенности / неопределенности субъекта при непереходном глаголе и объекта при переходном. Таким образом, глагол совершенного вида может быть одновременно и имперфективным. Б. Ваха считает категорию аспекта в венгерском языке лексико-синтаксической (см. Wacha 1976 : 1983).

Многое здесь представляется правильным, однако не со всем можно согласиться, в частности система венгерского аспекта нам видится иной, поэтому мы отказываемся от терминологии Б. Ваха.

По всей вероятности, в современном венгерском языке категория

аспекта находится в стадии формирования, так как имеющий только грамматическое значение «пустой» преверб *meg* в 90% случаев служит для перфективации глаголов (см. Kiefer 1982 : 300), а в остальных 10% глаголы без него не употребляются и не имеют признака перфективности (хотя, может быть, это не так, ср. присутствие в русском языке двувидовых глаголов при наличии категории вида).

Ю. С. Маслов считает, что в венгерском языке, как и в славянских, первична имперфективация: на фоне отношений, складывающихся в результате последней, возможна перфективация с помощью «бледных» или «пустых» приставок *meg* и *el* (1984 : 19). В славянских языках грамматическая категория вида зародилась в результате переосмысления ряда лексических способов действия (1961 : 171).

В венгерском языке категория аспекта также формировалась из способов глагольного действия. В этом мы согласны с Ю. С. Масловым: «Все эти явления можно рассматривать как определенный этап становления видовой оппозиции или, во всяком случае, как переходную ступень от лексико-грамматической категории предельности к собственно грамматической категории совершенного/несовершенного вида» (1984 : 19). Пока можно лишь предположить, что исторически категория венгерского аспекта формировалась следующим образом: превербы образовались от наречий (см. Soltész 1959; Майтинская 1959) и одновременно с лексическим значением способа действия стали придавать глаголу грамматическое значение перфективности, затем выделился «пустой» преверб *meg* (позже *el*), так как у него был абсолютный синоним *vissza* (Soltész 1959 : 33); этот преверб сообщает глаголу лишь грамматическое значение перфективности. Возникло парное противопоставление простой глагол / перфективный глагол. В случае с лексическими превербами отсутствует корреляция перфективный глагол / имперфективный глагол. В современном венгерском языке имперфективация глаголов с превербами, обладающими значением способа действия, выражается синтаксически. Явление это имеет недавнюю историю, поскольку, вероятно, еще в XIX в. система грамматических времен в венгерском языке была намного богаче. Для выражения многократности или длительности действия употреблялись составные формы прошедшего времени от глаголов настоящего и прошедшего времени путем присоединения к ним *valo* (3 л. ед. ч. исторического прошедшего времени глагола 'быть') во всех лицах (Сий 1979 : 354—355).

Нельзя согласиться с утверждением Ю. С. Маслова о том, что сначала постпозиция преверба стала выражать имперфективацию, а затем появилась возможность выражения перфективации с помощью «пустых» превербов. Дело в том, что в самых ранних памятниках встречаются «пустые» превербы, которые служат для перфективации, а синтаксическое выражение имперфективации не обнаружено до XIX в.

Обратимся к перфективации в современном венгерском языке. Как уже показано, глагол сам по себе нейтрален в аспектуальном отношении. Преверб несет всю грамматическую нагрузку аспекта и лексическую способа действия. Таким образом, венгерский язык все поле аспектуальности выражает аналитически. Рассмотрим только аспект. По К. Е. Майтинской, «венгерские приставки выражают видовые оттенки значений, напоминающие видовую семантику русских глаголов совершенного вида» (1959 : 177). Перфективация в современном венгерском языке выражается, с одной стороны, превербами, с другой, полностью зависит от объекта при переходном глаголе и от субъекта при непереходном. Выражение видовых отношений с помощью различных словоформ объекта при транзитивном глаголе или субъекта при интранзитивном характерно для всех финно-угорских языков. В прибал-

тийско-финских показателем аспекта служит тотальный/партитивный падеж прямого дополнения при переходном глаголе и подлежащего при непереходном. В. Мюркхейн сравнивает русские художественные тексты с их эстонскими переводами и в оппозиции достижения / недостижения предела обнаруживает соответствие важнейшей функции различения русского глагольного вида: на рекциональном уровне оппозиция достижения / недостижения предела проявляется у переходных глаголов в тотальном / партитивном падеже дополнения, у непереходных — в тотальном / партитивном падеже подлежащего (1979 : 95). Таким образом, грамматическое значение аспекта заключено не в глаголе, а в имени. В исследованиях по прибалтийско-финскому партитиву как падежу объекта настойчиво подчеркивается его аспектуальный характер (Пихлак 1985 : 5).

Х. Томмола считает, что термин вид, в отличие от аспекта, применим только к славянским языкам; он пишет, что вид — всегда категория глагола, тогда как аспектуально-семантические элементы могут закрепляться и за другими частями речи (членами предложения), влияя на аспектуальность всего высказывания. Поэтому видовое значение предложения всегда определяет вид глагола-сказуемого, но аспектуальное значение не всегда прямо связано с видом глагола (1986 : 15).

В теории аспектуальности Х. Томмола разделяет точку зрения А. В. Бондарко о том, что поле аспектуальности есть в каждом языке (Бондарко 1979 : 230). Так как славянский вид — всего лишь частный случай (Маслов 1978 : 5) аспекта, существующего в различных языках, то из сказанного следует, что любой тип аспекта, кроме славянского, может выражаться не глаголами, а другими частями речи (ср. положение Ф. Кифера о внутривременной структуре ситуации).

Как уже отмечено, не только в прибалтийско-финских, но и в других финно-угорских языках прослеживается зависимость аспектуальных отношений от объекта в транзитивном предложении или субъекта в интранзитивном, при этом «измеряется» количество действия. Например, в мордовских языках видовые значения выражаются суффиксальными глаголами, характеризующими действие со стороны количества (Ипполитова 1954 : 17).

Не составляет исключения и венгерский язык, где отсутствуют тотальный и партитивный падежи, а функцию различения тотальности / парциальности выполняют артикли. Однако артикли служат и для выражения определенности / неопределенности, которая в этом языке представлена трехчленной оппозицией: идентификация (определенный артикль), индивидуализация (неопределенный артикль), неопределенность (нулевой артикль). Эта шкала от нулевого артикля до определенного и служит для «измерения» количества действия. Функции артикля тесно связаны между собой.

Примеры на выражение аспекта у транзитивных глаголов:

I. *Péter megírta a levelet* 'Петр написал письмо' (известно, о каком письме идет речь) (завершенность действия). Глагол с приставкой *meg* преимущественно сочетается с определенным дополнением (если глагол переходный) (Майтинская 1959 : 180). Ia. *Péter írta a levelet* 'Петр написал письмо' (известно, о каком письме идет речь) (незавершенность действия). II. *Péter megírt egy levelet*¹ 'Петр написал какое-то (одно) письмо' (завершенность действия).

¹ К. Е. Майтинская пишет, что предложения типа I встречаются чаще, чем типа II, однако последние все же возможны, если прямое дополнение является неопределенным, а глагол обозначает «совершенство» действия и полноту охвата им прямого дополнения (1959 : 180).

IIa. *Péter írt egy levelet* 'Петр писал какое-то (одно) письмо' (незавершенность действия). III. *Péter írt levelet* 'Петр писал письмо / письма' (незавершенность действия).

Предложение типа **Péter megírt levelet* невозможно в венгерском языке, так как неопределенность объекта не может сочетаться с совершенностью действия, невозможен полный охват действием неопределенного дополнения. Совершенство действия выражают превербы, в то время как определенный артикль — полноту охвата объекта.

В предложении I преверб *meg* показывает совершенство действия, а определенный артикль — максимальный охват прямого объекта. В предложении II с совершенностью действия сочетается неполный охват индивидуализированного дополнения. В случае, если артикли имели бы отношение только к категории определенности / неопределенности, правомерно было бы предложение **Péter megírt levelet*, т. е. наличие / отсутствие преверба не влияло бы на качество артикля. Б. Ваха предлагает отдельно рассматривать оппозиции совершенный / несовершенный вид, выражаемую превербами, и перфект / имперфект, выражаемую артиклем объекта (субъекта) (Wacha 1976 : 62). Представляется правильнее рассматривать их в совокупности, в виде шкалы, «измеряющей» количество действия, где учитываются обе функции артикля: $\emptyset \rightarrow egy$ нейтральное $\rightarrow a$ нейтральное $\rightarrow egy$ перфективное $\rightarrow a$ перфективное. Несмотря на наличие только трех артиклей в венгерском языке, наша шкала имеет пять делений. Приведенные примеры выявляют зависимость качества объекта (маркирован артиклем) от наличия преверба. Согласно К. Е. Майтинской, приставка *meg*, как и большинство древнейших венгерских приставок, может превращать глаголы в транзитивные. Такая роль *meg* проявляется различно в зависимости от возможности употребления бесприставочных глаголов с прямым значением. Так, частичная или неполная транзитивация выступает, если бесприставочный глагол вообще транзитивен, но может употребляться и без прямого дополнения, приставка же делает обязательным наличие прямого дополнения (1959 : 179). Положение о транзитивирующей роли превербов подтверждает пример: *Nem szabad sietni a következtetésekkel*. Если в предложении появляется преверб, объект становится прямым: *Nem szabad elsietni a következtetéseket* (перевод обеих фраз: 'не надо торопиться с выводами').

Необходимо сказать, что именно артикль объекта (при транзитивации) зависит от преверба, а не наоборот, так как в предложении без преверба артикль может быть любым, сообразно степени определенности дополнения, а наличие преверба делает невозможным наличие нулевого артикля и ограничивает употребление неопределенного.

Из рассуждения К. Е. Майтинской следует, что не во всех случаях преверб транзитивирует глагол; если простой глагол вообще непереходный, то от преверба зависит артикль субъекта.

IV. *Az aggasztó hír eljutott a városba* 'До города дошел (этот) тревожный слух'; IVa. *Az aggasztó hír jutott a városba* 'До города доходил (этот) тревожный слух'; V. *Egy aggasztó hír eljutott a városba* 'До города дошел какой-то (один) тревожный слух'; Va. *Egy aggasztó hír jutott a városba* 'До города доходил какой-то (один) тревожный слух'; VI. *Aggasztó hír jutott a városba* 'До города доходил(и) тревожный(е) слух(и)'.
 3

Сказанное о влиянии превербов на объект при транзитивации верно и для влияния превербов на субъект при интранзитивации. Мы сочли целесообразным изложить отдельно случаи с переходными и непереходными глаголами, чтобы показать транзитивирующую функцию превербов, которая тесно связана с видовым значением совершенности

действия, с одной стороны, и полнотой охвата прямого дополнения, с другой (Майтинская 1959 : 181).

Превербы, обладающие грамматическим значением перфекта, на венгерской почве являются новообразованием, а выражение количества действия другими способами характерно и для иных финно-угорских языков. Несмотря на тесную связь двух сторон одного явления, каждая из этих частей речи несет свою грамматическую нагрузку, в языке не возникает плеоназма. В предложениях типа Ia и IVa артикль указывает не на количество действия, а только на определенность. Артикль лишь в сочетании с превербом имеет аспектуальное значение, в противном случае существовала бы не только зависимость артикля от наличия преверба, но и наоборот, что привело бы к излишеству средств выражения.

Если перфективация достигается появлением любых превербов в предложении, то с имперфективацией дело обстоит сложнее. Во-первых, возникает вопрос, зачем венгерскому языку понадобились способы формального выражения имперфективации, если сложилось парное противопоставление простой (нейтральный) глагол / перфективный глагол (т. е. в сочетании с превербом). Во-вторых, важной проблемой является разграничение в плане выражения имперфективации и совершенно иного явления языка. Дело в том, что при имперфективации преверб находится в постпозиции по отношению к глаголу, такова же постановка преверба и в отношении актуального членения предложения. Таким образом, именно последнее необходимо отграничить от имперфективации.

Замечено: один и тот же способ — порядок слов — служит в венгерском языке для имперфективации и является принадлежностью актуального членения предложения. Например, у Ю. С. Маслова: «постпозиция (преверба), если она не связана с рематизацией одного из актантов или с действием некоторых формальных правил, может подчеркивать незавершенность процесса» (1984 : 18—19). Далее приводится пример: *Péter írja át a levelet* 'Петр переписывает письмо'. Здесь возможен ложный вывод: говорящий произвольно вкладывает в предложение необходимый ему смысл; когда нужно, рематизирует слово *Péter*, когда нужно, указывает на незавершенность процесса. Но в таком случае нарушилась бы коммуникативная функция высказывания, так как слушающий не всегда бы извлекал смысл, который вкладывает говорящий.

К. Е. Майтинская приводит следующие примеры: I. *Ereszkedik le a felhő, hull a fára őszi eső* (Petőfi) 'Спускается туча, на деревья падает осенний дождь'; II. *Húzták ki a csónakot a partra minden erejüket megfeszítve, de mégsem tudták kihúzni* 'Тащили они лодку на берег, напрягая все силы, и все же не могли вытащить'. Она пишет, что отделение приставок может выражать видовые оттенки, а именно: действие находилось, находится или будет находиться в процессе (1955 : 207). Ей же принадлежит уточнение: «Отделение приставок иногда используется как средство выражения видового значения — несовершенности действия» (1960 : 360). III. *A hunok már akkor fogdosták a lovakat s húzgálták kifelé a sátorokat* 'Гунны тогда уже ловили лошадей и вытаскивали палатки'.

К. Е. Майтинская не указывает на условия, при которых постпозиция преверба служит средством выражения несовершенности действия. Однако все приведенные примеры — сложные предложения (II и III тоже можно рассматривать таковыми, несмотря на то что во вторых частях субъект опущен и по смыслу равен субъекту первых частей. В русском языке такие предложения формально простые с однород-

ными сказуемыми, в венгерском же — обычный эллипс местоимения-субъекта во вторых частях). Это наводит на мысль, что таким условием служат отношения между частями сложных предложений. Иначе говоря, возникает предположение о возможном наличии и своеобразном выражении категории таксиса в венгерском языке. Таксис характеризует сообщаемый факт относительно другого сообщаемого факта и безотносительно к факту сообщения (Якобсон 1972 : 101).

Наше предположение о том, что несовершенство действия может быть выражена постпозицией преверба лишь в сложном предложении, имеет под собой достаточное основание. Некоторые лингвисты, например, Ю. С. Маслов, связывают категорию таксиса с категорией аспекта: «... таксисные значения одновременности, предшествования и следования ... возникают в результате взаимодействия видовых форм, так что в некоторых языках выражение таксисных отношений может быть рассмотрено как одна из важнейших функций глагольного вида» (1984 : 8). Однако предположение о выражении превербами категории таксиса при изменении их места в предложении оказывается ошибочным. Постпозиция превербов по отношению к глаголу и в сложном, и в простом предложении может выражать несовершенство действия. Необходимо выяснить, при каких условиях это происходит.

Примеры: IV. *Jött le a lépcsőn, és fűtyörészett* 'Он спускался по лестнице и насвистывал'; V. *Szedte össze a holmiját* 'Он собирал свои вещи'. (Если IV по аналогии с II и III можно классифицировать как сложное, то V — безусловно простое.)

В обоих случаях сочетания глагол + преверб в постпозиции переводятся русскими глаголами несовершенного вида, обозначают незаконченное действие. Почему же нельзя предположить, что и здесь постпозиционное положение преверба не связано с рематизацией одного из актантов (Маслов 1984 : 18—19)? Но рематизируется актант, предшествующий глаголу с постпозиционным превербом (см. Kiefer 1967). В примерах глагол стоит в начале предложения, за ним следует преверб, актанта перед ними нет, а значит нечему рематизироваться. Верно и обратное: если перед сочетанием глагол + преверб в постпозиции находится какой-то член предложения, то именно он выделен, и действие закончено: *Péter írja át a levelet* 'Письмо переписет Петр'.

Информанту предлагались для перевода на русский язык придуманные нами по аналогии с IV и V предложения: **Ment el az utcán* и **Írja meg a levelet*. Оказалось, что для венгерского языка они не имеют смысла, так как имперфективация не может выражаться постпозицией «пустых» превербов *meg* и *el*, эти же превербы после глагола служат средством для выделения стоящего впереди члена предложения.

Теперь можно ответить на два вопроса. Первый — о необходимости для венгерского языка дополнительного выражения имперфективации из-за недостаточности оппозиции нейтральный глагол / перфективный глагол. Действительно, такого противопоставления достаточно лишь для глаголов с «пустыми» превербами, для всех остальных важно одновременно со способом действия выразить не только перфективацию, но и, если нужно, имперфективацию. В процессе перфективации участвуют все превербы, в процессе имперфективации — те, которые обладают значением способа глагольного действия. Предложения типа **Ment el az utcán* потому невозможны, что не нужны, вместо этого употребляется *Ment az utcán*. Такие предложения, как *Jött le a lépcsőn*, выражают одновременно и способ действия, и его несовершенство, тогда как *lejött* обозначает и способ действия, и совершенство его. Для того, чтобы глагол сохранял значение какого-либо способа действия и при этом избавился от признака перфективности, язык избрал

средство порядка слов, т. е. в данном случае положение преверба в предложении. Итак, мы подошли ко второму вопросу — о разграничении имперфективации и актуального членения. Он уже достаточно раскрыт, обобщим его. Если глагол и за ним преверб стоят в начале предложения, то перед нами имперфективация; во всех остальных случаях мы имеем дело с актуальным членением предложения.

Рассмотрим участие превербов в актуальном членении предложения. В. Матезиус противопоставлял последнее формальному членению предложения. Основные элементы актуального членения — это исходная точка (или основа) высказывания, т. е. то, что в данной ситуации известно или по крайней мере понятно и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, т. е. сообщение говорящего об исходе высказывания (1967а : 239).

Сейчас некоторые лингвисты выделяют актуальное членение предложения в особый супрасинтаксический уровень, обслуживаемый интонацией (см., например, Вардуль 1977 : 244). Это может представляться верным, если опираться на материал русского или других славянских языков. Однако в разных языках актуальное членение выражается различными средствами (см. Распопов 1961 : 49; Матезиус 1967б : 264; Крейнвич 1982 : 175; Kiss 1982 : 41). Современная лингвистика видит два аспекта термина актуальное членение. Первый — аранжировка элементарной структуры предложения; второй — связи предложения с контекстом (Стельмах 1974 : 35—36).

Остановимся на первом аспекте термина, причем нас интересует минимальная единица актуального членения — предложение. Дело в том, что соотношение компонентов актуального членения, по-видимому, не является всякий раз вновь складывающимся. Оно должно быть определенным образом типизировано, хотя такая типизация и не совпадает с существующей типологией предложения по формальным признакам (Распопов 1961 : 33). Каждое конкретное предложение рассмотрим не как «неповторимое», а как пример некоторого типа. Поскольку классификация предложений с точки зрения актуального членения не разработана, вслед за В. Матезиусом возьмем за основу грамматическую классификацию, т. е. повествовательные, вопросительные и побудительные предложения (см. Матезиус 1967б), и опишем каждый конкретный тип, тем более что для венгерского языка такой способ удобен.

Основным средством актуального членения в венгерском языке является порядок слов. Примеры: I. *Péter levelet ír* SOV 'Петр пишет письмо' SVO; II. *Levelet Péter ír* OSV 'Письмо пишет Петр' OVS; III. *Levelet ír Péter* OVS 'Письмо пишет Петр' OVS или 'Петр пишет письмо' SVO; IV. *Ír Péter levelet* VSO 'Пишет Петр письмо' VSO (см. Дэже 1984 : 95—96).

В примере I — объективный порядок слов, в остальных — субъективный (терминология В. Матезиуса, см. 1967в : 485). Диахроническая типология порядка слов пока не разработана, но известно, что уральский праязык относился к типу SOV, современные языки представляют типы SOV или SVO, а венгерский язык находится в переходном состоянии. Причина изменения не ясна, вероятно, их несколько, хотя одна может быть значительнее остальных. Например, изменение типа аспектуальности и формирование новой системы идентификации, наверно, играли важную роль (Дэже 1984 : 97). Как известно, отличительной чертой венгерского языка, по сравнению с другими уральскими, является выражение аспекта с помощью превербов. Именно наличие таких превербов и изменило тип порядка слов, а также идентификация (т. е. определенность / неопределенность) объекта и субъекта, связанная с аспектуальностью.

Преверб не только влияет на исходный порядок слов, но и сам, изменяя место в предложении, актуализирует различные его члены. Не обладая самостоятельным лексическим значением, он не может актуализироваться сам. Будучи незначимой частью речи, преверб не является членом предложения, но отличается от других незначимых частей речи, например, предлогов или послелогов, незакрепленностью места в предложении. Превербы различными способами актуализируют члены предложения в повествовательных, побудительных, вопросительных и отрицательных предложениях.

Повествовательное предложение. I. *Péter elment* 'Петр ушел'; II. *Péter ment el* 'Петр ушел' В I порядок слов объективный, во II — субъективный. Если в русском языке в данной ситуации актуализация происходит с помощью интонации или других средств, то в венгерском это достигается за счет порядка именно служебных слов, т. е. превербов. III. *Elment Péter* 'Ушел Петр'. Порядок слов объективный: *elment* — тема, *Péter* — рема, эмфатически не выделен ни один член.

Иная картина в предложениях побудительных, вопросительных и отрицательных. Уже отмечалось, что постпозиция превербов, если она не связана с рематизацией одного из актантов или с действием некоторых формальных правил, может подчеркивать незавершенность процесса (Маслов 1984 : 18—19). «Формальными правилами» в венгерском языке называется постпозиция преверба в побудительном и вопросительном предложении, а также постановка вспомогательного глагола *kell* 'надо' и отрицательной частицы *nem* между превербом и глаголом. IV. *Ki ment el?* 'Кто ушел?' Здесь нельзя рассматривать постпозицию преверба как просто «формальное правило» или инверсию. Естественно, что выделяется член предложения, к которому относится вопрос — в данном случае к подлежащему, но и любое другое вопросительное слово занимает ту же позицию. V. *Mit csinált meg?* 'Что он сделал?'; VI. *Mikor ment el?* 'Когда он ушел?'

В побудительном предложении постпозиция преверба носит, пожалуй, не столько экспрессивный, сколько стилистический характер. VII. *Gyere ide!* 'Иди сюда!' (нейтрально с точки зрения стиля). VIII. *Ide gyere!* 'Иди сюда!' (почти команда, по выражению Э. Сий в личной беседе). Примеры VII и VIII придуманы Э. Сий.

В отрицательном предложении постановка преверба может быть двойкой: IX. *Péter nem ment el* 'Не ушел Петр'; X. *Péter el nem ment* 'Петр не ушел'. В IX — эмфазис, в X — обычный порядок слов. Частица *nem*, *kell* и вспомогательные глаголы вклиниваются между превербом и глаголом. Очевидно, они выступают как проклитики, причем тяготеют не к превербу, а к глаголу; превербу остается только продвинуться вперед. Это еще раз доказывает, что преверб — самостоятельная часть речи. XII. *Írd át a levelet!* 'Переписывай письмо!' Постпозиция преверба не может здесь обозначать несовершенство действия. В отрицательном предложении, если преверб находится в постпозиции, глагол не занимает начальное место — перед ним будет частица *nem*. XIII. *Nem ír át* 'Он не переписывает'.

Но нерегулярность выражения аспектуальных отношений в побудительных, вопросительных и отрицательных предложениях еще не свидетельствует об отсутствии категории в целом. Х. К. Сёренсен, например, находит в славянских языках импликацию видов в отрицательных, побудительных и вопросительных предложениях (1962 : 185—186). Очевидно, для венгерского языка в вышеперечисленных предложениях, как для славянских языков, употребление того или иного аспекта не играет решающей роли.

ЛИТЕРАТУРА

- Алатырев В. И. 1948, Сложные слова с противоположными по значению частями речи. — Ученые записки Карело-Финского университета, серия истории и филологии II, вып. 1, Петрозаводск, 171—174.
- 1949, Определительные сложные слова. — Советское финно-угроведение, вып. 5, Петрозаводск, 33—45.
- Бондарко А. В. 1971, Грамматическая категория и контекст, Ленинград.
- 1979, Принципы сопоставительного исследования аспектуальных отношений. — *ALHung.* XXIX, 229—247.
- Бубрих Д. В. 1955, Историческая морфология финского языка, Москва—Ленинград.
- Вардуль И. Ф. 1977, Основы описательной лингвистики, Москва.
- Дэже Л. 1984, Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Простое предложение, Будапешт.
- Драхош И. 1978, Начинательный, усилительный, ограничительный способы глагольного действия в русском языке и их венгерские эквиваленты. Автореф. канд. дисс., Ленинград.
- Ипполитова Э. С. 1954, Образование глаголов видовой направленности в мордовских языках. Автореф. канд. дисс., Москва.
- Крейнович Е. А. 1982, Исследования и материалы по юкагирскому языку, Ленинград.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В., Очерки по селькупскому языку, т. I, [Москва].
- Майтинская К. Е. 1955, 1959, 1960, Венгерский язык, ч. I—II—III, Москва.
- Макаров Г. Н. 1958, К вопросу об отграничении сложного слова от словосочетания в литературном финском языке. — Прибалтийско-финское языковедение, вып. 12, Петрозаводск, 25—48.
- Маслов Ю. С. 1961, Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. — Исследования по славянскому языковедению, Москва, 165—195.
- 1978, К основаниям сопоставительной аспектологии. — Вопросы сопоставительной аспектологии, Москва, 4—44.
- 1984, Очерки по аспектологии, [Ленинград].
- Матезиус В. 1967а, О так называемом актуальном членении предложения. — Пражский лингвистический кружок, Москва, 239—245.
- 1967б, Основная функция порядка слов в чешском языке. — Пражский лингвистический кружок, Москва, 246—265.
- 1967в, Язык и стиль. — Пражский лингвистический кружок, Москва, 444—523.
- Мюркхейн В. В. 1979, К проблеме передачи видо-временных значений русского глагола в эстонском языке. — *TRÜT* 82, 95—111.
- Пихлак А., Пярн Х. 1985, Нейтрализация аспектуальных отношений партитивного падежа объекта в эстонском языке. — Сопоставление языков как средство выявления особенностей их структуры, Таллин, 5—10.
- Распопов И. П. 1961, Актуальное членение предложения, Уфа.
- Саркисян А. Е. 1975, Приставочные глаголы в венгерском языке. Автореф. канд. дисс., Москва.
- Сёренсен Х. К. 1962, Вид и время в славянских языках. — Вопросы глагольного вида, Москва.
- Сий Э. 1979, Курс венгерского языка, Будапешт.
- Стельмах И. Э. 1974, Типы коммуникативных структур в различных стилях современного русского языка. — Вопросы грамматики, Тарту, 35—50.
- Томмола Х. 1986, Аспектуальность в финском и русском языках, Хельсинки.
- Якобсон Р. О. 1972, Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — Принципы типологического анализа языков различного строя, Москва, 95—113.
- Agrell, S. 1918, *Przedrostki postaciowe czasowników polskich*, Kraków.
- Kiefer, F. 1967, *On emphasis and word order in Hungarian*, Hague.
- 1982, *The aspectual system of Hungarian*. — *Hungarian linguistics* (F. Kiefer, ed.), Amsterdam, 293—329.
- Kiss, K. 1982, *Hungarian and English: a topic-focus prominent and a subject prominent language*. — *Contrastive studies Hungarian-English*, Budapest, 39—59.
- Molnár, J. 1976, *Magyar nyelvelmékek*. Egyetemi tankönyv, Budapest.
- Soltész, K. 1959, *Az ősi magyar igekötők*, Budapest.
- Wacha, B. 1976, *Az igeaspektusról*. — *MNy*, 59—69.
- 1983, *Az «aspectualitás» és tanítása*. — *Nyr.* 2, 149—165.

T. B. AGRANAT (Moskau)

ÜBER DIE FUNKTIONEN DER PRÄVERBEN IN DER UNGARISCHEN SPRACHE DER GEGENWART

Bei der Erforschung der beiden Funktionen der ungarischen Präverben kam man zu folgenden Schlußfolgerungen:

- bei den Präverben handelt es sich um eine Wortart, aber nicht um Morpheme;
- vom Standpunkt des Aspektes aus gesehen ist das zum Präverb gehörende Tätigkeitswort neutral;
- falls das Präverb keine lexikalische Bedeutung besitzt, ist die Korrelation neutrales Verb (ohne Präverb) — präfigiertes Verb (mit Präverb) vorhanden;
- die Perfektivität wird im Ungarischen nicht nur mit Hilfe von Präverben ausgedrückt, sondern auch mit einem bestimmten Objekt im transitiven Satz und mit einem bestimmten Subjekt im intransitiven Satz;
- in der ungarischen Sprache kam es historisch früher zur Entstehung der Perfektivität als der Imperfektivität;
- im heutigen Ungarischen ist die Kategorie des morphologisch-syntaktischen Aspekts sehr ausgeprägt entwickelt.